ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело № 19-009 – 13 сп

К А С С А Ц И О Н Н О Е О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва 30 марта 2009 года

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего – Шурыгина А. П.
судей - Иванова Г. П. и Шишлянникова В. Ф.

рассмотрела в судебном заседании от 30 марта 2009 года уголовное дело по кассационному представлению государственного обвинителя Сенина Р. М. на приговор Ставропольского краевого суда с участием присяжных заседателей от 12 января 2009 года, которым

ГУМБА О М

оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 305 ч. 1 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава преступления.

За Гумбой О. М. признано право на реабилитацию.

Заслушав доклад судьи Иванова Г. П., выступления прокурора Башмакова А. М., просившего приговор отменить и дело направить на новое рассмотрение, и оправданного Гумба О. М., возражавшего против удовлетворения кассационного представления, судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

органами предварительного следствия Гумба обвинялся в том, что, являясь судьей [redacted] районного суда [redacted], 9 июня 2005 года принял к своему производству исковое заявление компании «[redacted]» к адвокату С[redacted] о возложении на нее обязательства исполнить соглашение об оказании юридических услуг от 29 апреля 2005 года, заключенного между ней и указанной компанией, и о предоставлении адвокатом С[redacted] отчета о выполненных работах по этому соглашению, и в этот же день вынес определение об обеспечении этих исковых требований, которое заведомо для него являлось незаконным, так как предусмотренные определением обеспечительные меры не были связаны с предметом исковых требований, были явно несоразмерными исковым требованиям, и предусматривали ограничения в отношении лиц, которые не отвечают по заявленным исковым требованиям.

Судья на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей постановил оправдательный приговор по этому обвинению.

В кассационном представлении ставится вопрос об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение в связи с тем, что вопросы, подлежащие разрешению коллегией присяжных заседателей, были сформулированы председательствующим судьей неправильно, с нарушением требований ст. 339 УПК РФ, что ввело присяжных заседателей в заблуждение и повлияло на их ответы. Так, в первый вопрос вопросного листа без достаточных оснований были включены факультативные признаки преступления, предусмотренного ст. 305 ч. 1 УК РФ, такие как направление копии судебного определения о принятии обеспечительных мер адресатам и причинение имущественного вреда предприятию «[redacted]». По мнению государственного обвинителя, такая конструкция вопроса могла привести к тому, что присяжные заседатели в случае недоказанности хотя бы одного из элементов преступного события обязаны были ответить отрицательно в целом на весь этот вопрос. Кроме того, в этом вопросе не были указаны фактические обстоятельства, характеризующие деяние, как преступное.

Неправильно был сформулирован и второй вопрос вопросного листа, в нем были использованы юридические термины – «заведомо неправосудный судебный акт», к тому же он требовал от присяжных заседателей собственно юридической оценки – об умысле подсудимого и квалификации содеянного им, что в соответствие со ст. 334 УПК РФ отнесено к компетенции профессионального судьи.

Неправильная формулировка указанных вопросов ввела присяжных заседателей в заблуждение, поэтому они при всей

очевидности вынесения Гумбой определения о принятии обеспечительных мер признали недоказанным вынесение им этого определения.

Проверив материалы дела и обсудив доводы кассационного представления, судебная коллегия считает, что кассационное представление не подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 385 УПК РФ, оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего или его представителя лишь при наличии таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов и ответов на них.

Таких нарушений при рассмотрении настоящего уголовного дела судом допущено не было.

Доводы кассационного представления о том, что вопросы, подлежащие разрешению коллегией присяжных заседателей, были сформулированы председательствующим с нарушением требований ст. 339 УПКФ, являются необоснованными.

Хотя состав преступления, предусмотренный ст. 305 ч. 1 УК РФ и является, как правильно утверждает государственный обвинитель в представлении, формальным, однако ст. 339 УПК РФ не содержит запрета на включение в вопросы, подлежащие разрешению коллегией присяжных заседателей, фактических обстоятельств, связанных с причинением имущественного вреда неправосудным решением.

Тем более что эти обстоятельства, также как и направление копии судебного определения о принятии обеспечительных мер адресатам, вменялись в вину Гумбе, и в этой части обвинение было поддержано государственным обвинителем.

Утверждения автора кассационного представления о том, что такая конструкция первого вопроса могла необоснованно привести присяжных заседателей к отрицательному ответу, является несостоятельным, поскольку присяжные заседатели ответили утвердительно на этот вопрос.

Нельзя согласиться также с доводами кассационного представления о том, что в первый вопрос вопросного листа не были включены фактические обстоятельства, характеризующие деяние, как преступное.

Как видно из вердикта присяжных заседателей, в первом вопросе вопросного листа были перечислены все обеспечительные меры, которые были приняты судом, а стороны в своих выступлениях подробно разъяснили присяжным заседателям, были ли эти меры соразмерными исковым требованиям, предъявленным к адвокату С[redacted], и были ли они связаны с этими исковыми требованиями.

Поэтому такая формулировка первого вопроса не могла повлиять на ответы присяжных заседателей, тем более что они признали доказанным причинение имущественного вреда в результате вынесения определения о принятии обеспечительных мер.

Вопреки утверждениям государственного обвинителя в представлении, второй вопрос вопросного листа был сформулирован председательствующим в соответствие с диспозицией ст. 305 ч. 1 УК РФ о заведомости вынесения неправосудного судебного решения.

Отвечая на него, присяжные заседатели должны были решать вопрос не о незаконности определения, которое вынес Гумба, что, конечно же, не входило в их компетенцию, а вопрос о том, понимал ли он незаконность своих действий.

Поскольку присяжные заседатели на этот вопрос ответили отрицательно, председательствующий в соответствие с требованиями ст. ст. 348 ч. 1 УПК РФ обязан был постановить по делу оправдательный приговор.

Что касается утверждений автора представления о том, что ответом на второй вопрос присяжные заседатели признали недоказанным вынесение Гумбой определения о принятии обеспечительных мер, при условии, что он сам никогда не отрицал этого обстоятельства, то они не соответствуют их вердикту.

Отрицание присяжных заседателей по этому вопросу следует понимать только как отрицание ими заведомости вынесения Гумбой неправосудного определения.

Таким образом, оснований для отмены приговора по доводам кассационного представления не имеется.

Руководствуясь ст. ст. 377, 378 и 388 УПК РФ, судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

приговор Ставропольского краевого суда с участием присяжных заседателей от 12 января 2009 года в отношении Гумбы О[redacted] М[redacted] оставить без изменения, а кассационное представление – без удовлетворения.

Председательствующий: [redacted]

Судьи: [redacted]